

ну два метра, длину – три метра, а площадь – десять квадратных метров. Возможно ли это? Подобный запрос содержится в Концепции: задается ожидаемая продолжительность жизни и отдельно – коэффициент смертности. Похоже, те люди, которые это писали, не понимают, что речь идет о взаимосвязанных показателях. Если вы задали ожидаемую продолжительность жизни, то коэффициент смертности автоматически вытекает из возрастной структуры, он не может быть таким, какой вам просто хочется иметь.

4. О проблеме миграции. Как бы мы к ней ни относились, масштабы миграции, которые страна способна принять, при всех благоприятных условиях ограничены. А сколько мигрантов России необходимы? Если мы говорим, например, хотя бы компенсировать естественную убыль, тогда начинаем придавать ей большое значение, чтобы в прогнозе получилась поменьше естественная убыль. Тогда меньше понадобится мигрантов. Чем меньше прогнозная убыль населения (отрицательный прирост), тем меньше требуется мигрантов для компенсации этой убыли населения. Но если прогноз показывает более значительные сокращения численности населения, то требуются и большие размеры компенсации (прирост мигрантов). И еще вопросы. Насколько просто компенсировать естественную убыль населения? Разве России не нужен рост населения? В этом плане имеется масса вопросов.

У этой проблемы имеется еще один аспект, который никто обычно не затрагива

ет. Мы обычно говорим о России как о любой другой стране. Но у России есть одна особенность – у нее самая большая в мире территория, которая оказывается в настоящее время почти на $\frac{3}{4}$ пустой. В России уже начинают пустеть большие города. У нас есть огромные совершенно незаселенные пространства. Есть огромные неиспользуемые ресурсы. Напротив, большинство стран страдает от недостатка земельных ресурсов, а у нас они есть, но не используются. То же относится и к пресной воде.

Мы, конечно, можем все население собрать в Москву и еще в несколько городов. Но как тогда будет жить остальная страна рядом с перенаселенной Азией? Этот аспект тоже нельзя забывать. Есть экономический аспект, а есть самостоятельный демографический аспект. Я совершенно согласен с Ю. Флоринской, что нужен какой-то «натурализационный коридор», начиная с того, что дети, которые родились здесь, должны иметь права граждан, как это принято во многих странах. Так, например, если человек родился в самолете над территорией США, он имеет право на американское гражданство. Но это, конечно, – частный вопрос, хотя он имеет символическое значение. В более широком плане необходимо понять, как вообще должно происходить превращение «мигранта» в «гражданина». Как, в частности, соотносятся между собой постоянная и временная миграция? Все таки это – сообщающиеся сосуды, временная миграция – резерв постоянной.

С.В. Захаров

Институт демографии НИУ–ВШЭ, Москва

Целевые индикаторы демографической политики: правилен ли наш выбор?

Я отношусь к той категории специалистов, которая крайне скептически относится к достижениям нашей демографической политики. Более того, я считаю, что все наши проблемы еще больше усугубляются в результате таких мер, как стимулирование рождаемости. Я на эту тему много пишу и говорю. Мне не хотелось бы повторяться. В ежегодных докладах «Население России» я последовательно провожу эту идею, опираясь на данные эмпирических исследований. Я использую данные не только государственной статистики, но и выборочных исследований, которые приводят к простой мысли, что здесь все не так про

сто и лихими, кавалеристскими наскоками демографическую ситуацию исправить едва ли возможно.

Я сейчас хочу поставить только один вопрос, который мало кто поднимает, кроме профессионалов, занимающихся конкретным демографическим анализом. Обратимся к той Концепции демографической политики, которая была официально принята в 2007 г. и на основе которой строится современная политика и последовательно реализуются меры, которые явно или неявно в ней присутствуют.

Кто хотя бы листал этот документ, тот наверняка обратил внимание на так называ

емые «целевые индикаторы» – количественные показатели, которые требуется достигнуть к некоторому году: ожидаемая продолжительность жизни, суммарный коэффициент рождаемости, сальдо миграции и даже конкретная численность населения. И как демограф я неоднократно высказывал мнение, что в качестве целевых, стратегических индикаторов эти показатели не годятся в принципе.

Проиллюстрирую на двух примерах: коэффициент суммарной рождаемости и ожидаемая продолжительность жизни.

Во-первых, это – очень сложные показатели. Несмотря на то, что многие к ним привыкли, открывая статистические справочники, они интерпретируют их совершенно неправильно. В первую очередь это – конъюнктурные показатели, относящиеся к так называемому «условному поколению». Или иначе: **ожидаемые** показатели итоговой рождаемости и продолжительности жизни, которые мы будем иметь для реальных поколений при условии, если в течение очень долгого времени ничего не будет меняться. И уже даже только из-за того, что эти показатели являются изначально ожидаемыми, т.е. гипотетическими, ставить их в качестве долгосрочных целей очень опасно.

Во-вторых, – чисто математическая сторона вопроса, которую я проиллюстрирую на таком интегральном показателе, как продолжительность жизни. У нас очень часто говорят: в России мужчины живут 62 года. В действительности очень малая доля мужчин живет именно 62 года. Этот показатель говорит о том, сколько лет в среднем ожидается прожить среднему новорожденному, появившемуся на свет в данном (расчетном) году, если возрастное распределение смертей для данного поколения не будет меняться на протяжении многих и многих лет (пока не умрут последние его представители в возрасте 100–110 лет).

Хороший аналог ожидаемой продолжительности жизни – показание спидометра автомобиля, который показывает изменение мгновенной скорости: сейчас 70 километров в час, а чуть педаль отпустили – 60, чуть придавили – 80. Означает ли это, что автомобиль пройдет за час 70, или 60, или 80 километров? Совсем не означает. Мы проехали бы указанное расстояние, если бы с одинаковым усилием давили на педаль целый час, поддерживая одну и ту же скорость, и чтобы при этом не было поворотов, не было бы шероховатостей дороги, где нужно будет притормозить, и т.д., и, наоборот, не нужно было бы в какой-то момент ускориться, чтобы обогнать другую машину. А еще представьте себе некий очень сложный приво-

дной ремень к нашему спидометру, когда у нас не один автомобиль, а 140 миллионов автомобилей, и в каждом едут наши граждане – представители своих поколений, соответствующих возрастным группам. Каждая ниточка тянется к этому спидометру.

Мы привыкли в демографии работать с поколениями, совокупностью разных поколений, образующей население страны. Каждое поколение к фиксированному моменту, для которого мы даем оценку ожидаемой рождаемости или ожидаемой продолжительности жизни, прошло свою часть жизненного пути в соответствии со своим возрастом, пережив те или иные события и решая по-своему проблемы, с которыми пришлось столкнуться в жизни. И мы им вдруг говорим, что им всем дружно (т.е. в среднем!) нужно снизить на столько-то процентов смертность или, что еще забавнее, – повысить на столько-то процентов продолжительность жизни! Для одних поколений это просто невозможно, в силу того, что они уже прошли значительную часть своего жизненного пути. Другие, самые молодые, еще могли бы представить, что они изменят свое поведение в ответ на изменение социально-экономических условий. Но ведь мы зачастую закладываем меры политики для изменения этих условий, опираясь на конъюнктурные обстоятельства сегодняшнего дня.

Рассмотрим возрастное распределение «табличных чисел умерших» (т.е. распределение умерших условного поколения) за разные годы, например за 1959 г., – уже очень далекий от сегодняшнего дня (ожидаемая продолжительность жизни мужчин тогда составляла 62,8 года), – и за 1987 г., с которым мы любим все сравнивать, потому что тогда наша таблица смертности была наилучшей (результат антиалкогольной кампании и эйфории населения в первые годы горбачевской «перестройки», когда показатель ожидаемой продолжительности жизни для мужчин вдруг повысился на два года (до 64,8 года), и, наконец, за 2008 г. (ожидаемая продолжительность жизни – 61,8 года).

Что показывают эти данные? Возьмем данные 1959 и 1987 г. Сдвиг в возрастном распределении смертей по существу нет никаких. Модальный (наиболее часто встречающийся) возраст смерти у мужчин был одинаковым – около 75 лет для двух таблиц смертности, разделенных почти 30 годами! Модальная длительность жизни с 1959 по 1987 г. не сдвинулась, даже не шелохнулась. Несмотря на все годовые перепады интенсивности смертности, в том числе и вызванные мощной антиалкогольной кампанией, средняя продолжительность жизни не изменилась, оставаясь для мужчин в районе 75 лет,

а не 63 и не 65 лет, как нередко полагают, ориентируясь на показатель ожидаемой продолжительности жизни в 1959 и 1987 г. Был долгий период повышения смертности – с середины 1960-х годов, потом несколько лет происходило ее снижение – в середине 1980-х годов, но средний возраст смерти остался прежним. Фактически это означает, что ресурсы, которые биологически были выданы взрослому человеку, за счет достижений цивилизации не увеличились. Следует отметить, что весь советский период не обеспечил человека дополнительными возможностями, помогающими ему жить дольше. То есть какой-то естественный ресурс реализовывался, но не более того. Здесь мы, конечно, оставляем в стороне проблему детской смертности. Выживаемость детей принципиальным образом возросла за счет иммунизации, применения антибиотиков и др. Однако, кроме успехов в детских возрастах, никаких других успехов не было.

Теперь посмотрим на распределение 2008 г. Следует подчеркнуть, что и здесь модальный возраст смерти у мужчин не сильно изменился: он также выше 70 лет. Другое дело, и это серьезно настораживает, что в России сейчас даже больше людей стало умирать в средних возрастах, что и отличает текущую ситуацию от того, что у нас, допустим, было в далеком 1959 г. и в «очень успешном» 1987 г. Я бы здесь не стал углубляться далее в историю. Но мог бы нарисовать возрастное распределение смертей в 1897 г., т.е. в конце XIX в., и мы бы увидели практически ту же картину в отношении наиболее типичного возраста смерти взрослых мужчин. Вот как долго мы топчемся на месте!

Таким образом, при постановке целей в отношении роста продолжительности жизни, на мой взгляд, мы должны в первую очередь ориентироваться на показатель модальной продолжительности жизни. Как нам перепрыгнуть через этот вековой барьер, как нам типичный возраст смерти передвинуть на более поздний возраст? А ведь другие страны смогли это сделать в последней трети XX в.

Чтобы ставить цели, связанные с продолжительностью жизни, как в развитых странах, следует понять, что такое необходимо сделать, чего мы не смогли сделать (или не делали вообще?) на протяжении многих и многих десятилетий. Проблемы и задачи, которые нужно решать, должны формулироваться в концепции долгосрочного развития совсем по-иному, чем предлагает официальная Концепция демографической политики.

Что нам нужно делать, чтобы последовательно увеличивать дожитие пожилых людей, предотвращать смерти в средних воз-

растах? Следует крепко подумать, как сформулировать практические задачи, какие выбрать показатели для оценки степени достижения целей, поставленных на качественном уровне. Иначе получение желаемой «цифры», более чем условной самой по себе, превращается лишь в игру, замешанную на популизме.

Такая же проблема интерпретации возникает и в отношении показателя «коэффициент суммарной рождаемости». Существуют различные индикаторы, с помощью которых можно оценивать рождаемость. И когда меня спрашивают, каков ее уровень, например, в России, я всегда затрудняюсь ответить на этот вопрос однозначно. Потому что я должен знать, какая аудитория, с каким уровнем профессионализма задает вопрос, потому что с помощью пяти разных индикаторов я могу ответить на этот вопрос по-разному.

Одно дело – итоговая рождаемость реальных поколений, т.е. среднее число детей, которое фактически родили или ожидается, что родят к возрасту 50 лет, представительницы реальных поколений (женщины, родившиеся в те или иные годы). Это и есть, если так можно выразиться, истинная рождаемость, обеспечивающая воспроизводство поколений с тем или иным режимом и, в конечном счете, воспроизводство всего населения.

Никаких существенных сдвигов в итоговой рождаемости поколений в меньшую или большую сторону за долгое время нет. «Стимулирующие» пронаталистические меры, которыми многие политики сейчас гордятся, дали всплеск интенсивности деторождения в 2007, 2008 г., быстро затухавший в 2009 и в 2010 г., но не принесли увеличения рождаемости реальных поколений!

Когда мне говорят, что повысилась рождаемость в России, я отвечаю, что у меня доказательств тому пока нет. Поколения мужчин и женщин 1970-х годов рождения и, вероятнее всего, 1980-х годов рождения не будут иметь больше детей по сравнению с предшествующими поколениями.

Если что и подскочило вверх, то это коэффициент суммарной рождаемости, который публикуется в справочниках и на который нас ориентируют авторы официальной Концепции демографической политики. В 1980-х годах этот показатель подскочил вверх (под влиянием стимулирующих мер тогдашней политики), и некоторые интерпретаторы тогда радостно хлопали в ладоши, хотя особого изменения в рождаемости реальных поколений не было. Потом коэффициент суммарной рождаемости обвалился в 1990-е годы, и те же люди кричали, что у нас чуть ли не катастрофа –

«самая низкая рождаемость в мире». Потом он стал постепенно повышаться, теперь вот – резкий скачок последних лет, представленный в розовом свете его создателями. За 2010 г. окончательных расчетов еще нет. Но уже очевидно, что «рост рождаемости», измеряемый этим показателем, закончился. За ним, как нас учит история, с большой долей вероятности последует спад этого всенародно любимого показателя. За всеми перепадами стоят не столько изменения желаемого и фактического числа детей в семьях, сколько изменения в желаемом и фактическом времени их появления на свет, т.е. поиск наилучшего возраста родительства и интервалов между рождениями детей.

В то же время, если взять другие показатели рождаемости, которые не столь конъюнктурны и в меньшей степени зависят от изменений календаря рождений в реальных поколениях, то на протяжении двух десятилетий они продемонстрируют удивительную стабильность. К примеру, показатель средней очередности рождения или ставший популярным в последнее время у специалистов показатель итоговой рождаемости условных поколений, скорректированный тем или иным способом с учетом сдвигов в среднем возрасте матери при рождении детей каждой очередности. Эти показатели дают более надежные оценки текущего уровня рождаемости, они действуют согласованно и свидетельствуют о том, что в России на протяжении двух десятилетий итоговая рождаемость поддерживается на уровне 1,5–1,6 рождений в расчете на одну женщину, что близко к оценке ожидаемой итоговой рождаемости для поколений женщин, родившихся в 1970-е годы. Даже с учетом данных последних лет никакой революции в рождаемости не наблюдается. Скорее всего, мы не увидим ее и в обозримой перспективе. Я буду рад, если не будет продолжаться дальнейшего сползания вниз, имеющего длительную эволюционную ретроспективу.

Поэтому мой тезис таков: следует очень осторожно подходить к оценке результатов нынешней политики, опираясь на общепринятые конъюнктурные статистические показатели. Их достаточно легко получить на основе данных текущей статистики, но их интерпретация совсем не так проста, как кажется. Даже для специалистов. Их едва ли стоит использовать и в качестве целевых индикаторов демографической политики. В международных сравнениях они еще могут применяться с известными оговорками, но когда речь идет об оценке эффективности конкретных мер политики, я бы остерегся их использовать.

Еще одно замечание. Наверное, все вы не будете удивлены, когда узнаете, что за 2010 г. никакого увеличения продолжительности жизни не будет. Более того, скорее всего, даже будет ее некоторое сокращение. И я ожидаю, что это сокращение будет списано на необычайную жару, которую мы пережили прошлым летом. Действительно, повышенное число смертей можно оценивать по-разному, но где-то 50 тыс. смертей были «излишними», т.е. вызванными этой жарой.

Но я не очень согласен с тем, что все можно списать на эту жару. Что это за система такая, социальная, экономическая, система здравоохранения, при которой страна из-за временных температурных аномалий теряет столько человеческих жизней, что падают показатели продолжительности жизни? Во Франции тоже не так уже давно была аномальная жара, и там тоже увеличилось число смертей, хотя и не в такой пропорции, как у нас. Кто же стал ее жертвами? Так же, как и в России, жертвами стали в основном лица, находящиеся в больницах. То есть те, кого из-за тяжести их состояния нельзя было ни забрать домой, ни положить под кондиционер и т.д. И в России подавляющее число внезапно погибших были лицами, находящимися в больницах. А почему? Больницы не приспособлены к условиям жаркой погоды – ни технически, ни профессионально, они не могут реально сопротивляться такой жаре. После этого во Франции были сделаны серьезнейшие выводы. Там сразу же были пересмотрены стандарты, протоколы лечебных и прочих процедур.

Я все время вспоминаю «Чевенгур» Андрея Платонова: солнце есть – значит, будет урожай, солнца нет – значит, есть будет нечего, – ожидание счастья от Бога и от неба, и, соответственно, списание нашего неблагополучия на природные силы, вместо того, чтобы, наоборот, искать причины в наших собственных ошибках и плохой работоспособности самой социальной системы, которая призвана охранять наше здоровье.

Теперь о прогнозе. Я напомним, что на заседаниях разных комиссий и экспертных групп, которые предшествовали принятию официальной концепции демографической политики, обсуждался демографический прогноз: если все предлагаемые меры будут введены в действие, то к 2015 г. будет такая-то рождаемость, такая-то смертность, такая-то численность населения, а после этой даты начнется рост населения. Не знаю ни одного специалиста, который смог бы воспроизвести этот прогноз Минздравсоцразвития. То есть при тех заданных параметрах, которые были указаны

в качестве целевых для рождаемости, смертности, миграции, не получалось к указанному году выйти на динамику численности населения, ожидаемую в результате реализации мер демографической политики, а тем более – получить перелом в сторону роста.

При этом у Росстата, располагающего опытными специалистами и «умением» считать, демографические прогнозы получались не столь оптимистическими, как у Минздравсоцразвития. Начались конфликты между теми, кто официально отвечает за политику, и теми, кто по роду своей деятельности должен заниматься контролем ее выполнения, статистикой и соответствующим прогнозом. Последние опубликованные демографические прогнозы Росстата (речь идет в первую очередь об оптимистическом варианте) были изменены в результате серьезного политического давления, чтобы они выглядели более оптимистично, приближаясь к малореальным целевым прогнозам Минздравсоцразвития.

Когда же буквально на пальцах было показано, что при данном потенциале естественного воспроизводства невозможно приблизиться к этому целевому прогнозу, была дана отмашка сверху на увеличение миграционного прироста, который тут же проявился и в прогнозе Росстата. Не очень понятно, какие были основания для резкого пересмо-

тра миграционной идеологии. Такое волевое решение привело к положительным сдвигам в политической риторике в пользу мигрантов, поскольку политики осознали, что без мигрантов никакой стабилизации даже близко ожидать не следует.

Хочу заметить, что, даже при реализации оптимистического сценария для смертности и рождаемости, нам нужен такой масштаб мигрантов, чтобы скомпенсировать отрицательный естественный прирост, что я хотел бы спросить, возможен ли он теоретически. И, более конкретно, – откуда мигранты (на постоянное место жительства) возьмутся в таком количестве, чтобы компенсировать естественную убыль. Был сделан специальный доклад по замещающей миграции, подготовленный в свое время экспертами ООН, в котором были представлены гипотетические расчеты для разных стран. Эти расчеты показывают, что в ряде случаев замещающая миграция – очень важный компонент динамики численности населения, способный восполнить его естественную убыль. Но в таких ситуациях, в каких оказались некоторые страны Восточной Европы, и в частности Болгария, Россия, Украина, о полностью замещающей миграции речь вести нереально. Даже если бы нашлись мигранты в таком объеме, то едва ли страна способна будет их интегрировать в таком количестве.

В.А. Козлов

Институт демографии НИУ–ВШЭ, Москва

Вектор семейной политики

(результаты демографических обследований)

Чтобы оценить эффективность проводимых мероприятий семейной и демографической политики, необходимо изучить восприятие населением реализуемых в рамках данной политики программ (при этом важна как общая субъективная оценка, так и готовность отреагировать на проводимые мероприятия). С этой целью проводятся обследования на федеральном и региональном уровнях.

Наиболее интересными, на наш взгляд, представляются общероссийское социальное демографическое обследование «Родители и дети, мужчины и женщины – 2007 г.» в рамках Панъевропейской программы, охватившее 11 117 респондентов, и выборочное обследование Росстата «Семья и рождаемость – 2009 г.» с объемом выборки 1 999 человек. В данных

обследованиях среди прочих вопросов рассматривали восприятие населением государственной федеральной политики.

С учетом различных уровней социально-экономического развития и многообразия культурных традиций российских регионов, на наш взгляд, важным представляется изучение региональных аспектов данной проблемы. С этой целью для анализа была выбрана Республика Башкортостан. Мы оценивали отношение жителей республики к мерам демографической политики на основе данных обследования «Демографическое развитие Республики Башкортостан», которое проводилось в 2007 г. Центром социальных и политических исследований Академии наук Республики Башкортостан¹. Выборка состояла из 1033

¹ Доступ к материалам предоставлен в рамках Проектно учебной группы ГУ ВШЭ «Семья и социальное развитие Республики Башкортостан».